

Максим Горький

Финоген Ильич

Максим Горький Финоген Ильич

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=625585

Аннотация

«Поле, по грязной осенней дороге, шёл высокий, бородатый мужик, согнувшись под тяжестью большого мешка на спине. Сосредоточенно глядя себе под ноги, он крупно шагал по грязи и, прислушиваясь к топоту лошадиных ног сзади его, думал: “Кто это там едет?”».

Максим Горький

Финоген Ильич

Поле, по грязной осенней дороге, шёл высокий, борода-тый мужик, согнувшись под тяжестью большого мешка на спине. Сосредоточенно глядя себе под ноги, он крупно шаг-гал по грязи и, прислушиваясь к топоту лошадиных ног сза-ди его, думал: «Кто это там едет?»

А в полуверсте за ним, с каждой минутой всё настигая его, ехал на маленькой тележке человек в тёплой короткой куртке и в старой измятой шляпе котелком, рыжеусый, бри-тый, с маленькими серыми глазками. Помахивая кнутом над крупом своей сытой пегой лошадки, он зорко смотрел на му-жика впереди себя и дальше на тёмные избы, рассыпанные по песчаному холму, и на хвойный лес за избами. И сзади этих двух живых точек на пустынном поле стояла высокая стена чернолесья, упираясь вершиной в серое небо; а слева и справа от них, между двух лесов, тянулась холмистая бурая равнина, кое-где украшенная зелёными коврами озимей.

Когда морда пегой лошадки поравнялась с плечами му-жика, человек, правивший ею, приподнял над головой свою шляпу и ласково крикнул мужику:

– Мир дорóгой!

Мужик, не останавливаясь, повернул голову и, посмотрев на проезжего, ответил:

– Бог спасёт.

– Здравствуйте... Финоген Ильич!

Теперь мужик остановился, ещё раз внимательно осмотрел проезжего большими угрюмыми глазами и сказал:

– Здравствуйте... не признаю что-то...

– А я вот признал вас.

– Та-ак, – протянул мужик и, наморщив лоб, пошёл сзади тележки, опустив голову.

– Картошку рыть ходили? – спросил проезжий.

– Её... картошку.

– Далеконько!

– Что поделаешь?

– Вы положьте мешок-то ко мне... да и сами садитесь, – подвезу вас... Тпру!

Лошадь остановилась, мужик свалил с плеч мешок в тележку, а потом сам взобрался на неё, – взобрался, сел рядом с рыжеусым человеком и тогда уж сказал ему:

– Вот спасибо!.. А то здорово я наломал хребет-то...

– Ну, а как – не признаёте всё меня?

– Да мельтешится что-то в голове... будто видал где... обличье-то ваше знакомо.

– Как не знакомо! Лет пятнадцать шабрами были, Финоген Ильич... – И проезжий усмехнулся в лицо мужику некрасивой и кривой усмешкой.

– О? – воскликнул мужик. – Неужто – Лохов-бобыль?

– Он самый... хе-хе!

– Та-ак! Вот оно что... Стало быть... н-да...

– Самый я Мотька-бобыль и есть.

– Вот-вот! Мотька... как же! помню...

Угрюмые глаза мужика усмехались, осматривая сидевшего рядом с ним человека.

– А теперь уж я – Матвей Петров Лохов, – внушительно и с важностью в голосе сообщил бывший Мотька и покрутил свои редкие, как у кота, усы.

– Вышел, значит, в люди? – спросил его Финоген.

– Вполне. Службу кончил... звание имею – ферверкер... Я давно кончил... вот уж слишком четыре года в людях служил...

– В работниках?

– Зачем? Я грамотный, – на что мне в работники идти?

– Это... конечно!

– Я служил коридорным в гостинице... официантом на пароходах... был даже приказчиком за буфетом...

– Служба лёгкая... – неопределённо произнёс Финоген.

– Ну, тоже! Иной рейс пассажиров на пароходе – как семян в огурце... Целый день волчком вертишься.

– Это конечно... всякому своя сопля солона, говорится...

Лохов искоса взглянул на него и снова покрутил ус.

Лошадь бежала частым, скорым шагом, а Финоген смотрел на её круп и думал:

«Ишь ты, какая круглая! По хозяину и скот...»

До деревни оставалось уже немного дороги. Намокшие от

дождя избы отчётливо выступали на жёлтом песке, а над ними, на вершине холма, ясно обозначались прямые, как свечи, рыжие стволы сосен.

– Лесок-то цел ещё... – сказал Лохов.

– Куда ж ему деваться? – спросил Финоген.

– Сводят теперь леса... здорово их сводят!

– Это где можно, там сводят... Но ежели кто без ума, так и этот лес, пожалуй, вырубит... Ну, только тогда всю лощину, даже до реки, песком занесёт...

– Это верно, занесёт... – согласился Лохов.

– Куда ж ты теперь, Матвей Петрович? – помолчав, спросил Финоген.

– Да вот... к вам.

– Мм... побывать, значит?

– Да... как бог укажет.

– Стало быть, может, и останешься на прожитьё?

– А может быть... и так может быть...

Мужик замолчал и, зачем-то закрыв глаза, взял правой рукой свою большую русую бороду и задумчиво подергал её.

Дорога, раньше лежавшая по липкому суглинку, теперь потянулась по песку, и лошадь Лохова пошла тихим шагом.

– Поди, деньжонок скопил на службе-то? – спросил Финоген.

– Н-ну! Деньги, знаешь, скользки... удержать их при себе трудно.

– Землёй заниматься будешь?

– Вот что, Финоген Ильич... – заговорил Лохов серьёзно и хозяйственно: – ты уж, пока что, прими меня к себе... у тебя я остановлюсь... Тогда и потолкуем как следует, по душе.

Шабрами тоже были... да вот – судил бог – с тобой же первым и встретился я.

Финоген услышал в его голосе что-то новое, как бы властное. Он посмотрел в лицо Лохову и, не торопясь ответил:

– Ко мне, так ко мне... милости прошу.

– Надоело мне жить в городах! – говорил Лохов, вглядываясь своими серыми глазками в стены и крыши изб так, точно он надеялся рассмотреть и всё то, что есть под крышами и за стенами. – Жизнь шумная, путаная... и пользы мало человеку от неё.

– В деревне проще... – подтвердил Финоген.

– Вот... я и надумал: поеду-ка, мол, в деревню, – авось, к чему пристроюсь...

– Тут как раз присосёшься к делу... – снова обнадёжил Лохова Финоген, не глядя на него.

Они въехали в улицу. Тихо было в деревне; лишь откуда-то издалека долетали крики ребятишек да охающие звуки цепов.

– Молотят... – сказал Лохов.

– Такое время, чтобы молотить...

– Сыровато...

– На гумнах – ничего...

– Никак твоя изба?

– Она...

Лохов щёлкнул языком и, дёрнув вожжами влево, повернул лошадь к воротам большой избы, такой же прочной и угрюмой, как и её хозяин.

– Погоди, я ворота отворю... – сказал Финоген, тяжело слезая с тележки на землю...

– Вот я и приехал! – воскликнул Лохов, часто мигая глазами.

Через час в просторной избе Финогена сам он, его жена и Лохов сидели за столом и пили чай.

– Советовал мне один человек, – говорил Лохов, барабанил по столу пальцами, – заняться варкой мятного масла. Указал он мне все способы... Просто это делается и, если верить тому человеку, дело выгодное...

– Та-ак... – сказал Финоген, усердно и внимательно дуя на блюдечко.

– Но хоша оно и так... однако дело новое, неиспытанное... потянешься к нему да и оборвёшься.

– Бывает...

– И хочу я, по этой причине, взяться за торговлю.

– Кабаком промышлять будете? – спросила жена Финогена, низенькая, жилистая, с красивыми чёрными глазами, которые казались слишком молодыми для её жёлтого лица, уже покрытого сетью тонких морщин.

– Нет, кабаком не стану. – И Лохов отрицательно мотнул

головой. – Кабака я не люблю, ежели говорить правду. Сам я не пью и всем бы запретил винище это употреблять... Кабак дело нехорошее...

– Недолговечное дело, – спокойно сказал Финоген. – С будущего года, слышь, казённую водку заведут у нас... слышал, чай?

– Н-да, вот видите! – сказал Лохов.

– Слыхал, мол, про это? – вновь спросил Финоген.

– Да... мельком слышал. А что?

– Ничего.

Лохов посмотрел на Финогена и передёрнул плечами.

– Я не потому избегаю кабака, что слышал про монополию, – вразумительно заговорил он, – а просто – не хочу. Ежели говорить правду, виноторговля навывнос и распивочно – дело прибыльное и простое, особой сноровки не требует, а копейку тянет к себе, как магнитом. Но хотя я и жил в городах, был в солдатах... огни, и воды, и медные трубы прошёл, – однако бога помню. Господу я слуга верный... А около вина греха много. Так много на земле греха от вина, что даже, может, больше всей прибыли.

– Это вот верно, – одобрительно сказала Финогенова баба.

Муж взглянул на неё и сказал, подвинув к ней свой стакан:

– Налей-ка мне ещё, Варвара!

– Хозяйка-то есть у вас? – спросила Варвара.

– Ещё нет, – ответил Лохов. – Всё некогда было обзавестись. Служба у меня в езде... сегодня – здесь, завтра – там.

Какой интерес иметь хозяйку при такой службе? Я, примерно скажем, на пароходе езжу, а её с собой ведь не возьмёшь. Оставь её, значит, на берегу, одну... содержать надо... и потом вдруг окажется – шалить она начнёт? Беспокойно это... Я так решил в уме: когда уж, мол, сяду прочно на одном месте, тогда и женюсь.

– Эдак-то чего лучше! – заметила Варвара.

– И опять же жениться в городе надо оч-чень осторожно! – Тут Лохов поднял кверху палец и, подержав его вытянутым, помолчал. – Городские женщины, они ведь ой-ой-ой! За ними глаз нужен... И в одеже она разбирает, и в пище... и во всём прочем. Деревенские куда проще... деревенские много лучше...

– С ними спокойнее, – сказала Варвара.

– Глупее они, – усмехаясь, заметил Финоген, поглаживая свою бороду огромной ладонью.

– Женщине для её дела не много ума нужно, – вразумительно сказал Лохов. – Позвольте мне ещё чашечку!

Темнело. Серые, низко опустившиеся над землёй осенние тучи смотрели в маленькие окна избы, и в углах её уже собрался сумрак.

– Ну, а вы тут как поживаете, Финоген Ильич?

– Живём по малости, – ответил Финоген, подумав.

– Богатеете всё?

– Заплатами-то? Богатеем... каждый день почти новые заплатки нашивают бабы на одежду-то нам.

Лохов любезно засмеялся.

– Нет, видимо, поправилась деревня-то... Избы построенные такие всё коренастые... и народ сыто глядит.

– От завода есть нам помощь, – сказала Варвара. – Завод тут выстроили бумажный, да ещё масляный... из дерева гонят масла разные. Ну вот мужики и возят товары на станцию да со станции; туда семь копеек с пуда, оттуда семь копеек...

– Во-он что? Да, да, да... А я не знал про заводы-то! – воскликнул Лохов, улыбаясь и мигая глазами.

– Заводы нам очень помогают.

– Далеко заводы-то?

– Один в шести верстах, а другой вот тут, за лесом... версты четыре места...

– Что же, трактирные заведения при них?

– Запрещено! – кратко сказал Финоген.

– Кем же?

– Начальством... Не позволяется...

– Та-ак. С-скажите! Ну, а ежели в деревне открыть?

– Общество не разрешит.

– Да ведь ему польза от того... большая польза может быть!..

– Это ежели оно пропьётся? – спросил Финоген, строго глядя на Лохова. – Не ему от того польза будет...

– Да ведь аренду же возьмёт оно! – воскликнул Лохов и даже покраснел весь, а усы у него стали торчком, как щетина.

– Тут уж наезжали разные, – заговорила Варвара, – и один даже три тыщи давал в год; но мужики – Финоген вот, да еще Лощенковы братья, Ефим шабер, Горюнов старик, – помните Горюнова-то?

– Да... стар уж, чай... Что же они?

– Сбили сход... Не желаем, дескать...

– Мм... – неодобрительно покачал головой Лохов.

– Да, не желаем мы, чтобы у нас пьянство было и всё такое, – твёрдо сказал Финоген, глядя на Лохова прищуренными глазами. – Не хотим мы этого... нам и без кабаков жёлтенько живётся. Кабак мы к себе не пустим. Семь лет тому время, как составили мы приговор, чтобы жить без кабака, и живём себе.

– Казённый откроют, – сказал Лохов.

– А мы будем просить: не надо.

– Что ж? Можно и без... трактирного заведения жить, – подумав, сказал Лохов.

– Н-да! Придётся уж без него, – подтвердил Финоген, точно угрожая кому-то.

– Поглядим, – промолвил Лохов, значительно и плотно сжав губы.

Затем он встал из-за стола и, перекрестившись в угол на образа, поклонился хозяевам, говоря:

– Покорно благодарю на чае...

– На здоровье, – ответила Варвара, а Финоген лишь молча качнул головой.

– Пойти посмотреть на Пегашку, – проговорил Лохов и вышел из избы.

Финоген, нахмутив брови, смотрел вслед ему, а Варвара внимательно разглядывала лицо мужа.

– Ишь какой выровнялся! – сказала она наконец.

– Жох! – угрюмо ответил ей муж. – Ты его не очень при-
вечай, смотри у меня! Ласки-то ему не много оказывай... та-
ких надо не лаской, а колом по башке.

– Ну уж! больно строг! – усмехнулась Варвара. – Ещё ни-
чего не видя...

– Я его насквозь вижу! Сказано – жох! Ты вот погляди:
понюхает он тут, понюхает, да и вопьётся в нас, как клещ...
Видала, какие у него губы толстые? – Финоген усмехнулся и
закончил: – Эдакими-то губами он всю кровь из нас может
высосать.

– Ну, господь не выдаст, свинья не съест, – усмехнулась
Варвара, перемывая чашки.

Финоген поднялся с лавки во весь свой рост и, расчёсывая
бороду толстыми, корявыми пальцами, сказал:

– Не люблю я таких... ишь ты, приехал! Ровно клады рыть
собрался. Я не глупее его и сам бы насчёт кабака-то смек-
нул. Теперь вот узнает, что землю мы через банк хотим по-
купать, – станет проситься: дескать, и меня примите в това-
рищи. Н-да... попросится, – уж это так и жди!

– А вы не принимайте, – сказала жена.

– В этом не одна моя воля...

– А ты подговори Лощенковых с Ефимом.

– Учи! – строго сказал Финоген.

Вошёл Лохов, прищурил свои острые глазки, зорко осмотрел мужа и жену и, одобрительно покачивая головой, сказал:

– Ха-арошее у вас, Финоген Ильич, обзаведение!..

Маленький, лысый, костлявый старик Горюнов, считавшийся в Песчанке самым разумным мужиком, говорил о Финогене так:

– Финка Ремезов – крестьянин добрый, что говорить! Хозяин редкий по нынешнему времени: всё у него в порядке, всё в призоре... и работник он крепкий, и голова у него есть своя... всё это так! На всех за последние годы господь ополчается за грехи, все, куда ни посмотришь, ломаются под господней карой... Финка ничего, покряхтывает, а твёрдо стоит.

Точно у него и молитва к богу своя есть. Но только не мирской он человек, и выйдет из него для деревни же-елезный кулак... уж помяните моё слово! Придёт ему время, и так он нас всех тиснет... даже ох не скажем!..

Время шло, но пророчество Горюнова не оправдывалось. Финоген приобретал в деревне славу грамотея и законника; к нему относились с уважением, со страхом и не без зависти к его удачам. Когда Горюнов начал убеждать мужиков в необходимости закрыть кабак, Финоген первый откликнулся на его речи.

– Ты что больно уж яришься? – спросил его однажды ста-

рик, подозрительно заглядывая в глаза ему.

– Стало быть, понимаю пользу твоей речи, – ответил Финоген.

– Мм... – недоверчиво промычал старик. – А не то что-бы... насчёт себя смекаешь?

– То есть это как?

– Может, тоже в сидельцы хочешь?

– Нет, ты, дедушка Мосей, не беспокой себя такой думой: я кабака не открою... – откровенно объявил Финоген.

Старик посмотрел на него и крикнул.

– Плохо я понимаю тебя, Финоген: невдомек мне, чего ты хочешь.

– Человек для себя худого не захочет... – сказал Финоген.

– А мир-от как?

– А мир человеком держится.

– Мудрёно что-то... Ну да увидим.

На сходе, когда обсуждался вопрос о закрытии кабака, всех сильнее и толковее поддерживал Горюнова Финоген.

Вскоре после этого поблизости от деревни открылся завод для сухой перегонки дерева, и на первых же порах работы завода вода в речке оказалась чем-то отравленной. В Песчанке начали хворать от этого. Мужики обратились к хозяевам завода с просьбой не портить воду в реке; им обещали сделать, что можно, и, разумеется, ничего не сделали.

Тогда Финоген вызвался пред обществом устроить это дело, поехал в город и действительно устроил. На завод явился

санитарный врач, фабричный инспектор, становой, и через некоторое время управление завода принуждено было вырыть пруды для того, чтобы вода в них отстаивалась и можно было очищать её извёсткой. С той поры, хотя она и потеряла прежний вкус, но стала здоровой, как и раньше была.

Старики с усмешкой говорили о Финогене: «Грамотей!..» Но на сходах и в беседах слушали внимательно его речь, всегда угрюмую и несколько насмешливую. Люди одних с ним лет – ему во время приезда Лохова было под сорок – называли его «дядя Финоген». Не скрывая своего превосходства над другими, Финоген часто жестоко высмеивал своих собеседников, и в его речи всегда звучали эдакие начальнические ноты. Он брал по зимам с завода книжки и внушительно, густым голосом читал их вечерами своей семье: жене и двум мальчикам десяти и восьми лет. Часто приходили соседи «послушать книжку». Когда он читал, то садился в передний угол, низко наклонялся над столом, на лбу его являлись глубокие морщины, и глаза наливались кровью. Потом обильный пот выступал на его лице и шее, а уши у него начинали странно вздрагивать. Хотя он читал бойко, но очень часто останавливался и подолгу молчал, глядя на страницы книги мрачными глазами.

– Ну, читай! – поощряли его слушатели.

Он тяжело вздыхал, и снова в избе гудел его тяжёлый голос.

Однажды ему в руки попала книжка о вреде пьянства. Он усердно прочитал всю её вслух и, закрыв, сильно хлопнул по

ней рукой.

– Вот она, премудрость-то! – воскликнул он, усмехаясь. – Наворотили её тут, может, на сто рублей, а всей книжке цена три копейки!.. Дешева!..

И, грубо, громко захохотав, он добавил:

– Того бы, кто её сочинил, взять бы его... – Финоген крепко ругнулся, – взять бы его, да в мужицкую-то шкуру, в мужицкий-то хомут и втиснуть года на два эдак. Тогда бы он... уразумел, для чего мужики вино пьют...

Однажды он принёс человеку, у которого брал читать книжки, «Ссору» Гоголя, и на вопрос, как ему нравится этот рассказ, ответил:

– Чего тут понравится? Пустяки одни всё... Одно во всей книжке слово верное нашёл...

– Это какое?

– А что скучно жить... Это верно... тут уж не поспоришь: нет никакой радости в жизни... очень тяжело жить человеку. В обрез всего... и хлеба, и земли, и хороших людей... всего хорошего в обрез дано, а дурным хоть всё небо измажь, и то ещё про всех останется...

В церковь он ходил только в большие праздники, пьян напивался «на храм», в пасху и на рождество и в тех редких случаях, когда вся деревня пила. Свою жёлтую и жилистую жену он никогда не бил, но говорил с ней не иначе, как строгим тоном начальника. Однажды, выпивши, он ей сказал, рассердившись на неё за её упрёки:

– Я те, дура, поговорю! Я вот бьякну тебя по башке – ты и откусишь язык-то свой...

Тогда ты уразумеешь, может, что я здесь не только для тебя – для всех хозяин. Кто в деревне всех умнее? Финоген Ильич Ремезов! Он тут по уму первый, как губернатор в городе... и ты это понимай!

Лохов, человек, выдавший виды на своем веку, сразу сообразил, что Финоген не даст ему свободы, что этот угрюмый мужик тоже птица хищная и умная и что нужно или крепко подружиться с ним, или ловко обойти его. Недель пять круглая и сытая фигурка Лохова, спешно семена коротенькими ножками, каталась из избы в избу и, мигая глазами, зорко присматривалась ко всему и подробно выспрашивала у всех о том, что ему нужно было знать. В это время Лохов успел убедиться, что Финоген в деревне – сила, а Финоген следил за ним и, усмехаясь в бороду, говорил шабру своему Ефиму:

– Ишь, кружится... гнездо вить хочет!

Ефим, коренастый, голубоглазый и добродушный мужик с курчавыми волосами, кратко сказал:

– Намаялся...

– По облику этого не видно.

– Н-да, наружность у него сытая...

– Был он у тебя?

– Как же... Пришёл третьеводни на гумно...

– Ну?

– Я, стало быть, молочу... Бог, говорит, на помочь... Спа-

сибо, мол...

– Да ты говори дело. Мне ведь известно, что коли человек с человеком встретятся – так здороваются они.

– Да ведь какое дело у меня с ним?

– Что он говорил-то?

– Разное... Землю, говорит, товариществом покупаете? Да, собираемся, мол. Так, говорит. Меня, говорит, в компанию не возьмёте?

– Ага! – сказал Финоген, двинув бровями.

– Да... меня, говорит, в компанию...

– Ну, а ты что ему на это?

– А я, значит, на тебя сослался... Финоген, мол, у нас этому делу голова, так ты уж к нему иди...

Финоген задумался, поглаживая бороду.

Разговор происходил в огороде, под развесистой ветлой. Шабры стояли друг против друга, разделённые плетнём: Ефим – облокотясь на него, а Финоген – прислонившись к стволу ветлы. Уже вечер наступал, и дул холодный осенний ветер, играя голыми ветвями дерева.

– Ты как думаешь насчёт этого? – спросил Ефим.

– Я? я... так думаю: нацелились, к примеру, собаки на кость, нацелились и стоят, – не даётся им кость-то. Вдруг к ним волк – примите, говорит, и меня в компанию...

Ефим засмеялся.

– Ловко это ты приравнял.

– Ну вот, видишь... Принимать волка в товарищи – нет

резону, зверь жадный. Отогнать его... трудненько! Вот оно какое дело-то...

– В случае, ежели... добудет он земли себе – хозяйствовать, поди, ведь не станет? – спросил Ефим.

– Захотел! Трактир он откроет...

Шабры задумались и долго молчали. Ефим смотрел на гряды пред его глазами, а Финоген всё гладил бороду и на неё глядел.

– Вот если бы с волка шкуру ободрать... – вдруг сказал он негромко, но твёрдо.

Ефим вопросительно взглянул на него.

– Как это?

– Н-не знаю... Как-нибудь, чай, можно...

– Мм... – недоверчиво промычал Ефим.

– Думал я уж насчёт этого.

– Ну?

– Ничего... Дело такое, что большого требует ума... и дружбы тоже... Принять в компанию его можно. Деньгам у него надо быть... А нам бы деньги очень впору...

– Эх как! – вздохнул Ефим.

– И ежели его принять, так тогда задаток-то банку и был бы у нас полностью.

– Примем ин? – сказал Ефим просительно.

– Принять, говоришь? Тогда он сейчас тут корни и пустит... И трактир и лавочка явятся.

– Пушай его! – махнул рукой Ефим.

– Та-ак! Добрый ты...

– Да что? По крайности, земля у нас своя будет.

– И у него будет. А надо так, чтобы у нас было, а у него не было. Вот этак бы!..

– Ишь чего захотел!

– Трактир с лавочкой и мы с тобой открыть можем... За-чем же чужому человеку такое дело уступать? Ведь ты понимаешь, что, ежели трактир, стало быть, с заводов парни ходить будут, пьянство и порча девок начнётся... Кто всё это заведёт? Чужой человек... Ведь вот мы с тобой всю эту историю можем устроить, а однако не завели. По какой причине?

– Кто ж её знает? – сказал Ефим, потрянув головой и улыбаясь. – По жалости нашей, надо полагать... – объяснил он, подумав.

– То есть как по жалости? – допытывался Финоген.

– Значит, жалеючи людей... сам ты говорил, что поэтому... по совести, стало быть...

Финоген посмотрел в лицо шабра суровым взглядом учителя на бестолкового ученика и объяснил ему:

– Не по жалости и не по совести, а говори – по разуму. Нам, которые есть способные, следует друг за друга держаться крепкими руками, и будем мы тогда как каменная стена...

Всяк об нас лоб разобьёт, ежели по сок-кровь к нам явится... Стало быть – не зорить мы друг друга должны, а помогать один другому. Не все помощи достойны... но которые способные... работающие, с умом в голове, – тех поддержи-

вай! Ничего, кроме выгоды, тебе от этого не будет... Понял?

– Н-да... это конечно... – раздумчиво сказал Ефим. – Только строго очень уж...

– Как это – строго?

– Да... так! Не то, чтобы строго... а вот опять я тебе скажу, к примеру, Лёска...

Разве он глупый мужик? Только что – пьёт.

– Ну, так что – Лёска?

– Как его, говорю, не поддержишь иной раз! Хоша он и неспособный к работе, а разве без ума?

– Ну, ты его и поддерживай... он твой двоюродный.

– Да не в том сила, что двоюродный...

– Ты мне вот что скажи: ты ему помогал?

– Мало ли!

– Ну, а помог?

Ефим вздохнул и, усмехаясь, почесал грудь.

– Поможешь ему, чёрту...

– А будешь помогать? – допрашивал Финоген.

– Больше не буду! Ну его... – И Ефим безнадежно махнул рукой.

– Это ты врешь, – будешь и ещё! И хлеба ты ему дашь, и овцу, и прочее...

– Да ведь как не дашь!.. – почти с отчаянием сказал Ефим, сплёвывая в сторону.

– Ну, то-то вот! А какая ему от того польза? И тебе тоже – какая? Выходит, брат, у нас от этого одна бестолочь. Сво-

лочь всякую мы нянчим, а хорошего, нужного человека не умеем беречь. Говорил я вам тогда насчёт хромого Пашки, Савёлычева сына: «Эй, мужики! выделите ему клочок земли, стогошите избёнку... отблагодарит он!» А вы заартачились: то да сё... Ну, и вот – он теперь, в Анкудиновой живучи, и слесарит, и кузнечит, и ребят учит грамоте... да вон ещё корзины плетть выучил... Пользу от него имеют анкудиновцы али нет?

– Н-да, тут мы проштрафились, Финоген Ильич... Это ты тогда верно говорил. Насчёт ребят-то вот плохо... ну-ка иди на завод, ломай четыре версты... Совсем даром мёрзнут... С Пашкой мы обмишулились... жа-аль!

И Ефим даже чмокнул губами как-то особенно...

– Мужуку, Ефимушка, прежде всего надо ум иметь при себе... без ума мужуку никак невозможно жить на земле! – сказал Финоген, тяжело вздыхая.

Постояв ещё с минуту друг против друга, шабры разошлись. Ефим отправился в угол своего огорода и стал там крепить плетень; а Финоген вдумчиво посмотрел вслед ему, качнул головой и пошёл к избе широкими, твёрдыми шагами.

А в избе Лёски Киликина происходил другой разговор. Худенький, остробородый Лёска сидел за столом против Лохова; на столе красовалась бутылка водки, чашка квашеной капусты и большой обломанный кусок ржаного хлеба. В избе было темно, но мягкие покровы тьмы не скрывали ни ис-

топтанного пола с широкими щелями между половиц, ни закопчённых кривых стен.

Потолок над головами собеседников провис и был подпёрт двумя жердями; пол прогнулся под тяжёлой грудой избитой, полуразвалившейся печи.

Три маленьких квадратных окна смотрели внутрь избы, как три глаза, – холодные и мутные, они были тупо печальны.

Тяжёлый запах гнили наполнял эту нору, и хриплый голос Лёски скрипел в ней каким-то деревянным звуком.

– Для мужика первое дело – смелость во всём. Который мужик трусоват, тому ходу нет. Я вот не имею этой самой смелости и живу так, как положено мне... Ни о чём я не могу постараться, потому знаю – толку не будет, что я ни делаю... Духу нет у меня... а человек, который без духу, – разве человек?

Лёска налил водки в чайную чашку и медленно высосал её.

– Ну, так как же Финоген-то? Значит, слушают его? – спросил Лохов, задумчиво барабанил пальцами по столу.

– Финоген, первое дело, – смелый мужик. Он, коли не так, так эдак... он всегда находит себе выручку... Он раз как-то по весне приехал из города... была у него десятина под яровое вспахана... и вдруг он горчицу сеет. Ведь ежели подумать – зачем горчица? Куда её? А он уж её зараньше пристроил к месту... и ба-альшие деньги взял! Горчица – она пища барская, – ему, может, тыщу рублей за неё отсыпали!

– Ну, а так, вообще-то... выжига он? – спросил Лохов, подумав.

– У-у! – скорчив страшную рожу, завыл Лёска. – Он, брат, не смотри, что такой облом: он всякому без мыла в душу влезет... так-таки и вопрётся в самую твою суть, как гнёт в кадушку с капустой. Позапрошлый раз приезжал земский, так и тот... в первую голову – Финогена позвать сюда! Дураки, говорит, вы все. Явился Финоген... и, как он явился, – земский сейчас же всё понимать начал...

Лёска ещё налил себе водки и снова высосал из чашки, как голодный ребёнок молоко из соски. Лохов посмотрел на него, на пустую бутылку и, поднявшись с лавки, сказал:

– До свиданья!

– Прощевай! Ну, а как же трактир, слышь, строим? – спросил Лёска, глупо оскалив зубы.

– Об этом ещё надо подумать... – солидно сказал Лохов и вышел из избы.

На улице было сыро и холодно. Уже надвигалась тёмная ночь осени. Кое-где в избах мелькали огни, бросая на дорогу светлые полосы. Тоскливо выла собака; ветви деревьев уныло шелестели... Со всех сторон окружённые тяжёлой тьмой, избы беспомощно жались друг к другу, искривлённые, пошатнувшиеся; солому на их крышах взьерошил ветер, и они казались объатыми непобедимым страхом.

И на душе у Лохова было темно, тоскливо и тяжело. Он чувствовал себя одиноким во тьме среди этих жалких жи-

лиц и чего-то боялся.

«Труда положишь тут много... а толку выйдет мало...» – думалось ему. И, глядя на избы, он соображал: «Не очень разживёшься около их... Заводы только... Н-да... заводы статья важная... Ради заводов можно и поломаться: они выручат... Финка... вот он – камень на дороге! А не пойти ли мне напрямки в этом разе?»

С такой мыслью он вошёл в избу Финогена. Угрюмый грамотей был один в избе и, сидя за столом, читал книжку, но при виде Лохова остановился и стал испытующе смотреть, как он раздевается.

– Читаете, Финоген Ильич? – спросил Лохов.

– Читаем... Где погулял?

– Да всё по деревне... был у разных народов... – сказал Лохов, подходя к столу и усаживаясь против Финогена. – Про что написана книжка-то?

– Про японцев...

– Слышал. Есть такие люди, точно...

– Н-да, разные люди имеются на земле.

– Запомню я, где они живут, японцы-то?

– А там... За Сибирью... – объяснил Финоген, махнув рукой на дверь.

Он любил разговаривать о книжках и показывать себя знающим человеком.

– В холодах, значит... – задумчиво сказал Лохов, исподлобья рассматривая лицо Финогена.

– Зачем в холодах? Там есть и тёплые места... холода – это выше... к самому краю, а японцы – они осели ниже.

– Это к какому же краю?

– А на земной карте... Холода вверху карты, а внизу... нет, в середине, – тут тёплые места...

– Вон ведь как! Интересно, значит?

– Ничего... хорошо жить умеют...

– С-скажите! А ведь не русские!

Финоген помолчал, погладил бороду и сказал, сурово усмехаясь:

– Я так полагаю, что только одни нерусские и умеют хорошо жить. Нам чего-то не задаётся... не хватает у нас... разума, что ли то...

Лохов вздохнул и не сказал ни слова.

– А где Варвара Тимофеевна? – через минуту спросил он, оглянув избу.

– На завод пошла с ребятишками... к сестре.

– На ночевую, что ли?

– Да... а что? Ужинать охота?

– Н-нет, я так... из любопытства спросил...

И, взглянув друг на друга, они снова оба замолчали. Финоген наклонил голову над книгой, но глаза его незаметно следили за Лоховым, и его могучая фигура, согнутая над столом, казалась напряжённой, готовой к хищному прыжку. А глаза Лохова беспокойно бегали по избе и тоже поминутно и как бы невольно скользили по большой голове её хозяина и

по его широким плечам. На столе пред ним горела, потрескивая, жестяная лампа. С полатей свесилась какая-то одежда, и от неё на дверь упала огромная уродливая чёрная тень. Ветер глухо шумел в трубе, где-то тихо-тихо шелестела солома, доносился вой собаки... напряжённая тишина в избе становилась такой же мрачной, как эта чёрная тень на двери. А двое людей всё молчали, неподвижно сидя друг против друга и незаметно выпытывая глазами мысли один у другого. Лохов первый не выдержал и, шумно вздохнув, сказал, беспокойно завертевшись на скамье:

– Финоген Ильич!..

– Ась? – откликнулся Финоген и, неторопливо подняв голову, пристально уставился глазами в лицо гостя.

Тот повернул голову в сторону от его взгляда и поправил ворот своего глухого жилета, потом тоже прямо взглянул в глаза Финогена своими мигающими глазами и веско выговорил:

– Хочу я с тобой поговорить по откровенности... как, стало быть, с... с умным мужиком.

– Валяй! – кратко сказал Финоген и взялся за бороду.

Лохов откашлялся, потёр руками грудь и, плотнее усевшись на лавке, заговорил тихим и вразумительным голосом:

– Познакомившись со здешними народами, вижу я, Финоген Ильич, что... попросту сказать, ты здесь – как пырин промежду кур...

Финоген молча взглянул на собеседника и солидно погла-

дил свою бороду.

– Ну... вот я и думаю: неужто тебе такая бедная судьба по душе?

– Ты вот что... – спокойно сказал Финоген, – ты шагай прямо... До судьбы моей какое тебе дело?

– Нет, ты по-озволь... – сказал Лохов, склонив голову набок и сделав в воздухе рукой жест, которым он как бы отстранял от себя слова Финогена.

– Чего мне позволять? Я разговору не люблю... И коли есть у тебя ко мне дело, ты и должен говорить о деле.

Лохов замигал глазами и задумался.

– Всегда обо всём надо прямо говорить, – предложил Финоген и, подняв рукой бороду кверху, закрыл ею усмешку на своих губах.

– Моё дело такое: приехал я сюда и вижу – от деревни я отвык...

– Н-да...

– Хожу, вроде как в лесу... одиноко мне, приятельства у меня здесь нет никакого...

– Н-да...

– А хочется мне... приладиться к какой-нибудь эдакой операции... Ежели говорить по душе – деньги у меня есть... сот семь...

– А тысяч сколько?

– Хе-хе-хе! Ты-исяч!.. Да кабы у меня тысячи были, я бы разве сюда полез?..

– Стало быть, здесь их найти думаешь? – спросил Финоген.

Лохов сконфузился, его серые глазки замигали робко и беспомощно, и он поводил плечами, точно от холода. А Финоген смотрел на него, сдвинув брови, и в его суровом взгляде было что-то решительное.

– На что мне тысячи? – заговорил Лохов, торопясь и раздражительно потирая рукой свою бритую щеку. – Мне бы устроить себя... покой мне нужен... лета того требуют. То же ведь у меня кость-то ломаная... Я бы вот начал какое-нибудь дельце, да и женился бы... и жил бы себе смирно! А ты мне... ты...

– Эх, Матвей, Матвей! – вздохнул суровый мужик. – Мелко ты плаваешь...

– То есть как? – встрепенулся Лохов.

– Да так. Видать тебя... понятно уж очень всякому, к чему ты направляешь себя...

– Я человек открытый... – смиренно заявил Лохов.

– То-то что открытый...

– Так и следует...

– Мм... не для всякого дела тоже... – сказал Финоген, качнув головой.

Лохов снова завертелся на скамье, точно ощущая зуд во всех членах.

– Желаешь, Матвей, чтобы я с тобой по правде говорил? – сказал Финоген Ильич.

– Я? то есть... вот бы хорошо! Сразу уж бы... А то что у нас за разговор? Ходим это мы вокруг да около...

И Лохов безнадёжно махнул рукой.

– Спать только хочется мне... Ну, да это я могу подождать... сначала попытаюсь разрешить тебя.

Финоген беззвучно смеялся, и лицо у него было довольное, почти ласковое.

– Н-ну? – торопил его Лохов.

– Ты уезжай отсюда... – спокойно начал Финоген.

– Зачем? – вполголоса и с боязнью спросил Лохов.

– Я тебя вразумлю зачем... Первое дело – человек ты по здешнему месту мелкий... неспособный, бесполезный для себя человек. Хоша и есть у тебя деньги, а деньги для иного человека всё равно, что ум: есть деньги да смелость – и ума ему не надо, без ума хорошо проживёт. Но только здесь есть люди больше тебя способные и умные... без таких денег, как у тебя... но большой дерзости люди...

– Ты, что ли? – спросил Лохов, искривив губы.

– Слушай, да не перебивай... Смелости у тебя тоже нет. Суди сам: коли бы было у тебя в голове своё, то ты и один бы с твоей задачей справился... а не ходил бы к другим по указку. Понял?

– Это действительно... – вздохнул Лохов.

– Вот... Я тебе говорю: здесь есть свои медведи... ты пришёл, – они тебе облюбованного куска не уступят. На что? Каждый сам свою долю добывай! Теперь будем говорить к

примеру, как ты думал. Думал ты так: войдёшь ты к нам в компанию, купишь с нами землю.

Земля как раз тебе впору – промежду деревней и заводом... Мы тебя, пожалуй, приняли бы...

Что же? У нас вон не хватает задатку для банка, – вот бы твоими деньгами и пополнили... н-да-а... И было бы это для нас хорошо... да видишь ты, для тебя-то это больно уж хорошо, и потому нам невыгодно.

– Мудрёно говоришь... – сказал Лохов, враждебно поглядывая на Финогена.

– Нам это невыгодно... – продолжал Финоген спокойно. – Откроешь ты трактир и начнёшь кулачить и так и сяк. Пойдёт от того большой грех... озлобятся против тебя все... Да, пожалуй, сожгут ещё... а то и хуже бывает.

Лохов отодвинулся от стола и привстал с лавки, взявшись рукой за левый бок. Глаза у него стали круглые, а губы плотно сжались.

– Народ у нас злой, дерзкий на руку. Вон Кошелева ухлопали за его жадность... и кто?

Неизвестно! Третий год делу, но никого не нашли.

Лохов грузно опустился на своё место и, прислонясь к стене, потрогал себя за усы.

– Нас вот теперь двое... – медленно и глухо говорил Финоген, хмурым взглядом рассматривая серое лицо Лохова. – Двое нас... Ночь... Никто нас не слышит... никто не видит...

– Вся деревня знает, что я у... у тебя... – тихо сказал Лохов, не глядя на Финогена и всё держась рукой за левый бок.

– Известно, знает... – повысил голос мужик. – А ты это к чему?

– Так... я просто...

– То-то, мол...

Финоген внушительно передёрнул плечами и помолчал.

– Так вот я говорю: нас теперь двое, мол, ночь, никто нас не видит, не слышит...

Стало быть, я могу... – тут Финоген остановился и опять помолчал, внимательно разглядывая Лохова, – ...говорить с тобой без опаски... – закончил он свою речь.

– Говори, говори... – торопливо сказал Лохов.

– И скажу я тебе прямо – плох ты. На большое дело, на способных людей ты не годишься... Здесь ты не охотник, а лиса. И следует тебе такое место найти для себя, где бы ты сам был охотником, – понял?

Лохов кивнул головой.

– Понял, что тебе здесь не место?

– Понял! – твёрдо сказал Лохов.

– Ну, стало быть, и не лезь на рожон...

– Да... надо подумать...

– Подумай... А теперь давай-ка спать... пора! Скоро, чай, петухи запоют...

Финоген поднялся из-за стола, поставил ногу на лавку и стал разувать её, медленно раскутывая оборы лаптей. Лохов

следил за ним и молчал, дёргая рукой себя за усы. Потом Финоген смачно и громко зевнул, перекрестил рот, взглянул на образ и стал, широко размахивая рукой, крестить грудь. Лохов начал раздеваться уже тогда, когда Финоген залез на полати и сказал ему оттуда:

– Будешь ложиться, лампу-то потуши.

Скоро и Лохов забрался на печь; но ему не спалось. В избе было темно. В окна её с улицы смотрело что-то жуткое, холодное. На полатях громко и ровно дышал Финоген, и порой он всхрапывал, сердито так... Караульщик где-то далеко бил в доску, и в тишине ночной разносились гулкие, пугающие звуки. Дрёма смыкала глаза Лохова, но он вдруг вспоминал что-то и спугивал её. Тогда, приподняв голову, он осторожно заглядывал на полати и, убедившись, что Финоген крепко спит, снова дремал... И снова вздрагивал от боязни...

«А ведь он верно говорил, – думалось ему в тишине. – Слаб я ещё... О господи! Как трудно жить-то! Н-да... Слаб я... боюсь вот... чего боюсь? Страшает... сам, значит, наметил это место. О... господи!.. Его мне... не одолеть...»

Поболтался Лохов в деревне ещё дней десять после этого разговора и однажды, придя откуда-то с улицы в избу Финогена, объявил ему:

– Завтра еду...

– Куда? – равнодушно спросил Финоген.

– В город... прочь, стало быть...

– Та-ак...

– Не понравилось у нас? – осведомилась Варвара.

– Отвык... всё-таки, знаете, деревня...

– Известно уж... В городе вам способнее...

– Сказано: большому кораблю – большое и плавание... –

невозмутимо равнодушно заметил Финоген.

Лохов взглянул на него и поджал губы.

Рано утром на другой день он запряг свою пегую лошадку в тележку и начал прощаться с Финогеном и его шабром Ефимом, который, с вечера осведомлённый об отъезде Лохова, тоже пришёл проводить его и, позёвывая, сонный и нечёсанный, сидел на лавке, упёршись в неё руками.

– Ну, стало быть, мы с вами, Финоген Ильич, за прокорм, квартиру в расчёте?

– Ровно бы так... – сказал Финоген.

– Значит, спасибо за хлеб-соль, за ласку...

– Не на чем.

– Какая уж наша хлеб-соль? – со вздохом сказала Варвара.

Ефим зевнул и объявил:

– Деревенский хлеб – он самый святой на земле...

– Свят-то он свят, да не так, чтобы скусен... – вставил

Финоген, почёсывая спину.

Лохов подпоясывал тулуп кушаком и молчал. Подпоясавшись, он взял в руку шапку, перекрестился и, поклонившись всем, молвил:

– Прощайте!

– С богом! – в один голос ответили Варвара и Ефим, а Финоген молча поклонился.

И все четверо пошли вон из избы. Финоген отворил ворота. Лохов ввалился в тележку, повозился в ней и, взяв вожжи в руку, снова сказал, сняв шапку и тряхнув головой:

– Прощайте! Н-но!

Пегая лошадка пошла...

Провожатые вышли за ворота и стали смотреть вслед тележке, прыгавшей по замёрзшим кочкам грязи, кое-где покрытым снегом. Предрассветный сумрак окутал деревню каким-то призрачным туманом, и тележка Лохова быстро скрывалась в нём.

– Дорога, избави бог, плоха! – сказал Ефим, качая головой.

– Да, попрыгает он двадцать семь вёрст... – заметила Варвара и ушла в избу.

Финоген взглянул на неё, говоря Ефиму:

– Идём ко мне, – чаем напою...

– Идём...

В избе Варвара, возившаяся у печи с самоваром и освещённая огнём, пылавшим в печи, встретила их вопросом:

– Уехал?

Точно она этого не знала.

– Укатил! – сказал Ефим.

– Н-да-а! отвалился... – задумчиво протянул Финоген. – Плох он... очень он плох!

Другой бы... э-э-э! Так бы это он оборудовал свои дела... что нам бы одно осталось – кричи караул!

– Напрасно ты, по-моему, его застрашал... – сказал Ефим. – Что пугать человека? То невыгодно, другое неудобно... пусть бы он сам попробовал... А нам он человек полезный... в банк-от бы и тово...

– Ну, что вышло, то и вышло. А у нас ему учиться жить – не место. Мы не для него...

Плох потому что.

– погоди! Доживёшь, может, и до хорошего какого... – пригрозила Варвара. – Подползёт да и прицепится... как вон Фомичев в Кузнечихе.

– Это ещё улита-то едет, – когда-то она будет!.. – задумчиво сказал Финоген.

– А никого он здесь не расположил к себе!.. – заметил Ефим.

– Кроме Лёски твоего...

Ефим засмеялся.

– Лёске он был друг...

– Вот такой ворон, как Мотька этот, и начал бы со стервятины вроде Лёски... А на ней отъевшись, и нас, грешных, стал бы долбить помаленьку да не торопясь.

– Оно, пожалуй, так.

– То-то...

– Финоген Ильич, пригляди за самоваром-то, а я пойду творогу принесу да сочней спеку... – попросила Варвара му-

жа.

– Али у тебя хлебы ныне? – спросил Ефим.

– Хлебы... – ответила женщина, уходя из избы.

– Н-да... семь, говорит, сот у меня... – задумчиво говорил Финоген, сидя на лавке против печи и пристально глядя на огонь. – Врёт, надо быть, больше имеет... Мне бы хоть эти самые семь сот... Ну и повернулся бы я с ними! Эхе-хе! Зимой бы у меня мак зацвёл... А он что? Дурак!..

– Видно, бог дураков-то больше любит... – сказал Ефим.

– Э-эхма!

Освещённое огнём угрюмое лицо Финогена дрогнуло, и в голубых глазах его блеснула на миг тёмная грусть...